

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ

по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №2 (19)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RPF project "Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX-XX centuries" (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А.</i> К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)	9
<i>Пиков Г. Г.</i> Роль киданьской элиты в истории государства Си Ляо (Западное Ляо)	36
<i>Сериков Ю. Б.</i> К вопросу о проблемах датирования пещерной и наскальной живописи	46
<i>Смагулов Е. А.</i> О сакральном значении керамических атрибутов алтарей в жилищах Присырдарьи	61

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васечко В. Ю.</i> Этноконфессионализм иерократа и универсализм «ученого профана»: к характеристике эпистемологического дискурса в политарном обществе	75
<i>Ярков А. П.</i> «А куда их деть?»: о нравственно-правовых коллизиях в умме Сибири	90

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Беликов С. В., Дворянчикова Н. С., Шершинева Е. А.</i> Деятельность комиссий по контролю за выполнением законодательства о культурах в Западной Сибири во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	100
<i>Кацаева М. В., Пирогова О. В.</i> Религиозные ориентации студенческой молодежи провинциального центра (на примере Барнаула): от теории к практике	112
<i>Худяков Ю. С.</i> Сведения о распространении мировых прозелитарных религий и традиционных верований и погребальных обрядов среди енисейских кыргызов и кыштымов в периоды раннего и развитого Средневековья	127

Раздел IV

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Дашковский П. К., Савельева Т. В.</i> Карл Молдахметович Байпаков — выдающийся ученый и организатор науки Казахстана	144
---	-----

Раздел V

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Сулейманов Р.Р. Рецензия на книгу В. Н. Рогатина «Гонения на православие на Украине в 2014–2016 гг.» 168

Раздел VI

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дашковский П. К. Итоги работы IV Конгресса российских исследователей религии173

ДЛЯ АВТОРОВ..... 181

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A.* To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017)9
- Pikov G. G.* The role of the Chitan elite in the history of the state of the Hsi Liao (Western Liao)36
- Serikov Y. B.* For the question of dating cave and rock painting.....46
- Smagulov E. A.* Concerning the sacred meaning of ceramic artifacts from the clay altars in the dwellings of the land along the Syr-Darya river61

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Vasechko V. Y.* Hierocrat's ethnoconfessionalism and “academic profane's” universalism: characterization of epistemological discourse in polity society.....75
- Yarkov A. P.* “But where to put them?”: the moral and legal conflicts in the ummah of Siberia.....90

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Belikov S. V., Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A.* The activity of the commissions for control over execution of the legislation on cults in Western Siberia in the second half of the 1960s — early 1980s. 100
- Kashchayeva M. V., Pirogova O. V.* Religious orientations of student's youth of provincial capital (the city of Barnaul as an example): from theory to practice.....112
- Hudyakov Yu. S.* Data about dissemination of the world's proselytizing regions and traditional beliefs and funerary rites among the yenisei kyrgyz and kyshtym during periods of the early and high middle ages 127

Section IV

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

PERSONALITIES

- Dashkovskiy P. K., Saveljeva T. V.* Baipakov Karl Moldahmetovich — an outstanding scientist and organizer of science of Kazakhstan.....144

Section V

BOOK REVIEWS

- Suleymanov R. R.* Review of the book by V. N. Rogatin “Persecution of Orthodoxy in Ukraine in 2014–2016” 168

Section VI

INFORMATION ABOUT CONFERENCES

Dashkovskiy P. K. The results of the work of the IV Congress of Russian Scholars
of Religion173

INFORMATION FOR THE AUTHORS 181

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902:930.2:2 (574.5)

DOI: 10.14258/nreur(2019)2–01

К. М. Байпаков

Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан)

С. Ш. Акылбек

Отрарский государственный археологический заповедник-музей, Шаульдер (Казахстан)

Г. А. Терновая

Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан)

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА КУЛАН В VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.)

Приводятся результаты исследований цитадели на городище Луговое, с которым сопоставляется средневековый город Кулан, расположенный к востоку от города Тараз. Археологические раскопки, проводимые в 2017 г., являются продолжением изучения памятника, начатого в 2015 г. На цитадели были выявлены археологические слои тюркешского, карлукского, караханидского периодов. Комплексный анализ позволил установить, что владельцы дворца в разные периоды отдавали предпочтение разным религиозным течениям. В (VII) VIII–IX вв. функционировал центральный зал приемов (помещение 3), к которому с юго-западной и северо-восточной сторон примыкали культовые помещения 2 и 12. К тюркешскому периоду относится помещение 2, где ранее по декору и культовым элементам интерьера предполагалась связь с манихейством. В рассматриваемый период были вскрыты помещения дворца, относящиеся к карлукскому периоду. Одним из основных являлось помещение 12, в центре которого находился алтарь огня в виде глиняного постамента нишеобразных очертаний. Это помещение

рассматривается как адуриан — внутридворцовый храм огня, связанный с обрядовой практикой маздеизма. Прослеживаются аналогии с раннесредневековыми культовыми комплексами, открытыми в Юго-Западном Семиречье и на территории Средней Азии.

Ключевые слова: Казахстан, Семиречье, Кулан, средневековый город, тюрки, археология, религия, маздеизм, дворцово-храмовая архитектура, храм огня.

К. М. Ваираков

Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO to the Ministry of Culture and Sport of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan)

S. S. Akylbek

Otrar State Archaeological Reserve Museum, Shaulder (Kazakhstan)

G. A. Ternovaya

Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO to the Ministry of Culture and Sport of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan)

TO THE QUESTION OF RELIGIOUS LIFE OF KULAN MIDDLEVEAL TOWN IN VIII–IX C. (based on materials Of research of citadel in 2017)

The article presents the results of research of the Citadel at the site Lugovoe, identified as a medieval town Kulan, which is located on east from the city of Taraz. Archaeological excavations carried out in 2017 are a continuation of the researches, which began in 2015.

On the Citadel were revealed archaeological layers of the Turgesh, Karluk, Karakhanid periods. Comprehensive analysis allowed confirm that the owners of the palace are preferred different religious trends at different periods.

In (VII) VIII–IX centuries there was a central reception hall (room 3), on the south-west and north-east side of it where adjoined religious rooms 2 and 12.

Room 2 belong to the Turgesh period, where previously, according to the decor and cult elements of the interior, as assumed to be a connection with the maniae. During considered period, the palace premises belongs to the Karluk period were opened. One of the main ones was room 12, in the center of which was the altar of fire in the form of a clay pedestal of niche outlines.

This room is considered as adurian — the inner-built temple of fire, associated with the ritual practice of Mazdaism. Clearly traced the analogies with early medieval religious complexes, opened in the South-Western Semirechye and in the territory of Central Asia.

Key words: Kazakhstan, Semirechye, Kulan, medieval town, turkic, archaeology, religion, mazdaism, palace and temple architecture, temple of fire.

Байпаков Карл Молдахметович, доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан).

Акылбек Серик Шаймерденович, заместитель директора по научной работе Отрарского государственного археологического заповедника-музея, Шаульдер (Казахстан). Адрес для контактов: s_akyzbek@mail.ru.

Терновая Галина Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: galina-ternovaya@yandex.ru.

Известный средневековый город Кулан отождествляется с городищем Луговое, расположенным на восточной окраине современного населенного пункта Кулан (в прошлом Тарты, затем Луговое). О средневековом городе имеются упоминания в письменных источниках [Байпаков, 1998; 2001].

Первые археологические исследования городища Луговое провел В. В. Бартольд, описавший оборонительные стены городища при выезде из села Луговое (Тарты) [Бартольд, 1966: 49]. В конце 1940-х гг. одним из отрядов Семиречинской археологической экспедиции, которую возглавил А. Н. Бернштам, была исследована территория сельской округи городища, поселение древних усуней, относящееся к первым векам до нашей и первым векам нашей эры [Таласская..., 1949: 13]. Затем археологические исследования на городище были проведены в 1963–1965 гг. Семиреченской археологической экспедицией [Байпаков, 1986: 21–31]. В 1986–1991 гг. раскопки на городище проводил К. М. Байпаков. В эти годы на городище раскапывали загородную резиденцию владельцев Кулана.

И, наконец, в августе 2015 г. началось изучение цитадели городища Кулан в рамках Проекта 0005/ПЦФ-00-МКС/0–15-ОТ «Городище Кулан» МОН РК — исполнитель ТОО «Казахский научно-исследовательский институт культуры» МКС РК. Основной раскоп был заложен на цитадели городища и въезде в шахристан. В 2017–2018 гг. раскопки были продолжены.

На цитадели были выявлены слои тюргешского, карлукского, караханидского периодов. Результаты археологических работ 2015 г. были опубликованы ранее. Там представлены материалы исследований помещений 2 и 3 (в предыдущих публикациях — 1 и 2), функционировавших VIII в., во время правления тюргешей. Помещение 3 определено как тронный зал, где находилось «место почетного сидения». Стены украшали росписи, поверх которых позднее были нанесены резные графические рисунки (граффити). В помещении 2, предположительно культового назначения, расчищены северо-восточная, юго-западная ниши и фриз-пояс, поддерживаемый колонками-пилястрами [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016]. Перечисленные элементы интерьера были украшены резьбой по глине. На основании комплексного исследования особенностей оформления помещения 2 и украшающего его декора была высказана точка зрения о манихейской принадлежности дворцового святилища [Байпаков, Терновая, 2018а; 2018б; 2018в]. Распространение манихейства в тюркской среде и среди тюргешей в частности подтверждено сведениями письменных источников и данными археологии на территории Семиречья в средневековый период [Зуев, 2002; 2004; Кляшторный, 2006; Klyashtornyj, 2000; Се-

нигова, 1968; Кызласов, 2005; 2005а; 2006; 2010; Байпаков, Терновая, 2002а; 2018; 2018б; Терновая, 2017; Лурье, 2013; 2018].

Археологические исследования 2017 г. Начатые ранее исследования цитадели городища Луговое в этом году были продолжены (рис. 1). В юго-западной части раскопа обнаружено продолжение внешней северо-западной стены дворца, а также юго-западная сторона стены, являющейся юго-западной стеной помещений 1 и 2 дворца, раскопанной в 2015 г. Внешняя стена прослежена по всему раскопу, ее длина составила 9,5 м. Дальше она уходит под юго-западную бровку. Северо-восточная стена (юго-западная стена помещений 1 и 2), перпендикулярно примыкающая к северо-западной стене и образующая северный угол, прослежена в длину на 10,4 м. В свободном пространстве (открытая площадь?), ограниченном этими стенами, выявлены конструкции, являющиеся перестройками, причем относящимися к разным периодам.

Северо-западную часть раскопа занимала сплошная кладка, состоявшая из кирпичей прямоугольного формата размерами 40 × 20 × 8 см, 45 × 23 × 10 см. Кирпичи сформованы из глины желтого и серого цвета. Кладка шириной 3,4 м пристроена к северо-западной стене. Кладка начинается от юго-западной бровки и заканчивается через 8,1 м, не дойдя до северо-восточной стены 1,9 м. Вероятно, кладка произведена как подпорка северо-западной стены, которая со временем начала проседать. При этом в северном углу образовалось пустое пространство прямоугольной формы размером 3,4 × 1,9 м. Позднее оно было замуровано стеной, которая была построена на завале кирпичей. Поэтому основание этой стены оказалось на 1,6 м выше уровня пола. Стена построена из кирпичей прямоугольного формата, размером 39 × 18 × 10 см, сформованных из глины серого цвета. Сохранилась стена на высоту 1,9 м (19 рядов кладки).

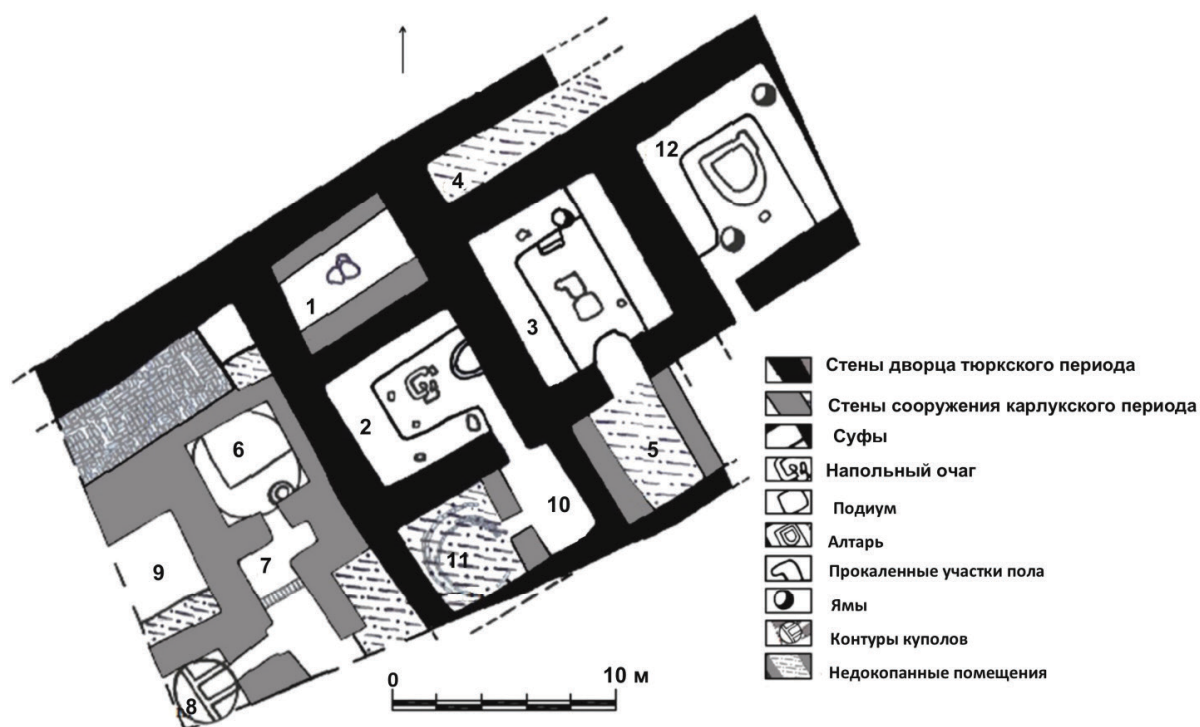

Рис. 1. План раскопанной части цитадели городища Луговое

Именно расчистка этого замурованного пространства позволила изучить особенности конструкций третьего строительного горизонта. На этом участке, свободном от закладки, можно увидеть поверхности северо-восточной и северо-западной стен. Поверхности стен были оштукатурены глиной желтого цвета с примесью соломы. Штукатурка имеет несколько ремонтных наслоений. Поверхность штукатурки сильно закопчена. Здесь зафиксирован наклон северо-западной стены вовнутрь, что послужило причиной возведения столь внушительной подпорки. Поверхность торца подпорки также оштукатурена глиной, но грубо, вручную, без использования выравнивающих поверхностей инструментов. Замечены следы от пальцев строителя. Глина обмазки серого цвета, нанесена тонким слоем. В верхней части подпорки имеются круглые вдавления, нанесенные на площади шириной 1,5 м, высотой 0,7 м. Вдавления диаметром 5 см, вероятно, нанесены черенком лопаты. Заполнение пространства состояло из завала битых кирпичей, остатка камышового перекрытия, залитого жидкой глиной. Пол обнаружен на глубине 3,4 м. Пол хорошо обмазан глиной с примесью соломы. На полу найдены остатки кровли и древесные угольки. На уровне пола обнаружены фрагменты боковины хума. Вышеописанные стены и угловое пространство по времени соотносятся с дворцом, раскопанным в полевом сезоне 2015 г.

По этому уровню далее раскопаны конструкции, которые можно только условно отнести по уровню залегания (расположению в пространстве) к третьему строительному горизонту, так как они возведены значительно позже и занимают промежуточное положение во времени между 2 и 3 строительными горизонтами. По времени эти сооружения относятся к концу VIII — началу IX в. и условно обозначаются нами как карлукские.

Рис. 2. Цитадель городища Луговое. Купольное помещение 6. Жертовник

До возведения данного сооружения карлукского периода дверные проемы всех трех помещений дворца были замурованы. При возведении сооружения стены дворца не были разобраны. Стены новых помещений были частично вписаны в пределы стен дворца, а также заняли свободную от застройки площадку. В настоящее время выявлены пять помещений и два коридора карлукского периода, из них полностью и частично расчищены два помещения и два коридора.

Первым расчищено большое купольное помещение, обозначенное нами помещением 6 (рис. 2). На поверхности полость помещения выделялась округлыми очертаниями. Как выяснилось далее, помещение сохранилось по уровню, где производился переход от квадрата стен к круглому куполу. Помещение подквадратное, с длиной сторон 4,5 м, углами ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением. Высота стен от уровня пола 2,45 м. По углам сохранились ступенчатые ниши — тромпы, посредством которых осуществлен переход от куба помещения к сферическому куполу. Тромпы подпирал массивный пояс в виде выступа шириной 20 см, высотой 20 см. На юго-западной и северо-восточной стенах над поясом расчищены по три ниши, расположенные напротив друг друга. Расстояния между нишами — 1 м. Центральные ниши расположены на 10 см выше крайних. Ниши не имеют штукатурки. Возможно, туда были вставлены балки строительных лесов.

Тромпы на углах шестиступенчатые, размером 1 × 1 м, ширина ступеней 8–10 см, шаг ступеней 5–7 см. Снизу тромпы имеют бордюр шириной 25–28 см, с шестью овальными выемками размером 13 × 5 см, глубиной 5 см. Тромпы обмазаны глиной коричневого цвета с примесью соломы и мелких камешков. Обмазка выполнена вручную, имеются следы от пальцев.

Тромп в южном углу прокопчен, местами покрыт сажей. Сохранность плохая из-за проседания стены, угол также заливался дождевой водой.

Проход в помещение расположен в центре юго-восточной стены. Ширина прохода, имеющего арочный пролет, 0,9 м, высота 1,9 м. Дверной проем был заложен кладкой из сырцовых кирпичей в 14 рядов. Кирпичи прямоугольного формата, размером 30 × 16 × 8 см, сформованы из глины желтого и серого цвета. В кладке использованы в основном битые, половинчатые кирпичи.

Стены помещения обмазаны тонким слоем глины с примесью мелких камешков. Под обмазкой прослеживаются контуры кирпичей кладки. Обмазка нанесена вручную, хорошо видны следы от пальцев рук. Обмазка, очевидно, служила выравнивающей грунтовкой, что свидетельствует о незавершенности строительства. Снаружи помещения дверной проем защищен экраном, который образует тамбур. Ширина тамбура 1,2 м, длина 1,6 м. Тамбур выходит на юго-восток в коридор. Снаружи верхняя арочная часть входного проема была выделена рельефным налетом шириной 10 см, который сохранился на незначительном участке.

Как уже было отмечено, строительство здания не было завершено. После того, как здание было заброшено, его стали использовать под жилье. При этом справа от входа был устроен напольный очаг. Очаг круглой формы диаметром 0,65 м, стенки очага шириной 9 см, высотой 25 см от уровня пола. Глубина огневой камеры 30 см. Поддув очага, размером 18 × 19 см, выходит в сторону прохода помещения. Очаг был за-

полнен золой белого цвета. Огневая камера и стенки очага прокалены докрасна. Дымоход очага, расположенный в его задней части впритык к стене помещения, длиной 35 см, затем выведен наружу, в угол, образованный стеной и тамбуром. Вертикальный канал дымохода устроен своеобразно. В углу был углублен вертикальный канал диаметром 10 см, затем открытая часть была обложена по всей длине фрагментами казанов. На внутренней части дымохода установлен фрагмент крышки с ручкой. Пол в помещении, вероятно, был обмазан в период обживания. Обмазка пола из глины желтого цвета с примесью соломы.

После расчистки помещения по уровню пола стала отчетливо видна просевшая часть пола. Проседание имело прямоугольную форму, что натолкнуло на мысль о присутствии тут захоронения. Поэтому было принято решение заложить шурф на месте просевшего пола. Шурф выявил контуры стен нижележащего горизонта. Дальнейшие раскопки в помещении были приостановлены.

Удалось установить причину разрушения здания. Произошло оно из-за проседания южного угла, особенно юго-западной стены. Возможно, проседание произошло уже во время возведения, так как не были произведены внутренние отделочные работы.

Так как строительство здания не была завершено, затруднительно выдвигать гипотезы о назначении помещения. Предположение о том, что это мог быть мавзолей, не подтвердилось. Находки из заполнения помещения тоже не проливают свет на эту проблему. Заполнение помещения состояло в основном из строительного мусора, образовавшегося в результате обрушения купола. Основная масса — это битый кирпич. Также найдено небольшое количество фрагментов неполивной керамики. На уровне пола поблизости от очага найден фрагмент ножки дастархана, орнаментированный прочерченным узором, напоминающим казахский узор «кошкар муйиз». Данное сооружение предварительно датируется концом VIII — началом IX в.

Из заполнения тамбура происходят керамические изделия различного назначения. Все они фрагментарны. Особенно интересны крышки с зооморфными ручками, миниатюрные кружки, чаши, кесе, светильники. Изделия характерны для IX в.

К помещению 6 вел коридор (помещение 7) Г-образной формы. Ширина коридора 2,25 м, он прослежен в длину на 6,6 м, далее уходит под юго-восточную бровку раскопа. Коридор вытянут длинной стороной по линии юго-восток — северо-запад. Стены, сохранившиеся на высоту до двух метров, оштукатурены тонким слоем глины коричневого цвета. Через коридор можно попасть в еще одно купольное помещение — 8. В юго-западной стене имеется ниша с проходом в виде арочного проема в помещение 8. Возможно, этот коридор вел и в другое помещение, расположенное напротив, но этот участок с кирпичной закладкой еще не исследован.

Впоследствии часть коридора, прилегающая к тамбуру помещения 6, была замурована перегородкой. Перегородка представляет собой стенку, сложенную в один кирпич. Размер кирпичей в кладке 43 × 22 × 12 см, 44 × 24 × 12 см. Заполнение коридора состояло из бытового мусора (кости домашних животных, фрагменты керамической посуды, зола). Среди находок следует отметить обломки крышек, украшенных узорами «кошкар муиз», двуручных казанов с налестками в виде пуговиц, сосудами с тамгообразными узорами.

Как уже отмечалось, из коридора попадали в помещение 8 (рис. 3), схожее по форме и строению с помещением 6, но меньшее по размерам. Помещение 8, так же, как помещение 6, на поверхности выделялась округлыми очертаниями и сохранилось по уровню, где производился переход от квадрата стен к круглому куполу. Помещение подквадратное (3 × 3 м), углами ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением. Высота стен от уровня пола 2,6 м. По углам сохранились ступенчатые ниши-тротуары, посредством которых осуществлен переход от куба помещения к сферическому куполу. В отличие от помещения 6 тротуары здесь подпирает пояс в виде двухступенчатого выступа шириной 20–25 см, высотой 20 см.

Рис. 3. Цитадель городища Луговое. Помещение 8

Тротуары на углах шестиступенчатые, размером 1 × 0,6 м, ширина ступеней 8–10 см, шаг ступеней 5 см. Тротуары обмазаны глиной коричневого цвета. Обмазка выполнена вручную, имеются следы от пальцев. На стенах местами выявлено три слоя штукатурки. На большей части сохранился лишь первый тонкий слой грунтовой обмазки, под ней прослеживаются контуры кирпичной кладки. Обмазка нанесена вручную, местами видны следы от пальцев рук; она выполняет функцию выравнивающей грунтовки, покрытой затем глиняной штукатуркой желтого цвета с примесью попоны. Толщина этого слоя около 1 см, далее на него нанесен тонкий слой алебаstra с полихромной росписью. Фрагменты штукатурки с росписью были найдены в завале, возможно, они украшали обрушившийся купол. Орнамент с растительными и геометрическими мотивами был нанесен на белый фон алебаstra красками черного, красного, желтого, голубого цветов. На сохранившихся стенах роспись отсутствовала.

Внутреннее пространство помещения разделено невысокими перегородками на три секции. Перегородки шириной в полкирпича (24 см), высотой от 0,45 до 0,6 м. Они оштукатурены снаружи и изнутри глиной желтого цвета с примесью соломы. Первая секция, самая большая, расположена вдоль юго-западной стены на всю длину. Размеры 3 × 0,95 м, глубина 0,6 м. Две секции расположены по бокам от входа, вдоль северо-западной и юго-восточной стен. Их перегородки высотой 0,45 м упираются перпендикулярно в перегородку первой секции. Ширина юго-восточной секции 0,9 м, северо-западной — 0,8 м, длина секций 1,6 м. Перед входом имеется площадка шириной 0,9 м, длиной 1,6 м.

Проход в помещение с арочным пролетом расположен в центре северо-восточной стены. Ширина прохода 0,85 м, высота 1,6 м. Стоит остановиться на проходе подробнее. Если учесть, что толщина стены, в которой он устроен, равна 2,2 м, то этот проход можно называть коридором. Перепад высот уровней полов в коридоре 7 и помещении 8 составляет 0,7 м. Таким образом, коридор (дромос?), ведущий в помещение, идет под уклон. В заполнении северо-западной секции, у северного угла помещения, на полу найдена фаланга человеческого пальца. Возможно, помещение 8 выполняло функцию погребальной камеры (науса).

Перед культовым помещением 2, расположенным с юго-западной стороны и вскрытом в 2015 г., было обозначено нерасчищенное помещение 5. В 2017 г. были произведены его раскопки. Первоначально оно было большим помещением размером 8,2 × 5,3 м. Затем в карлукский период в его пределы было вписано новое помещение, занявшее почти 2/3 площади помещения, другая, меньшая часть, образует тамбур перед входом.

Кладка купольного помещения не имеет связки с кладкой дворца. Стены шириной 0,95–1,1 м сложены из кирпичей размером 47 × 22 × 12 см. Кирпичи сформованы из глины серого цвета, тогда как стены дворца сложены из кирпичей желтого цвета размером 50 × 25 × 9 см. Само купольное помещение не расчищено полностью, на поверхности были видны контуры частично разрушенного купола с замковым кирпичом. Диаметр купола около 4 м, он сложен из кирпичей различного формата. Кирпичи прямоугольной формы размером 42 × 20 см и 22 × 12 см, толщина не установлена.

В связи с возможностью сохранить купол было принято решение найти вход в помещение и произвести расчистку через него, не разрушая остатки купола. С северо-восточной стороны помещения был обнаружен тамбур с входом в помещение. Тамбур размером 4,65 × 2,65 м вытянут с юго-востока на северо-запад. Вход в помещение расположен в середине юго-западной стены, ширина арочного прохода 1 м, высота 0,7 м. Возможно, тамбур расчистили по уровню первого пола. Юго-восточная стена сохранилась на высоту 0,8 м, высота северо-восточной — 1,5 м. В северо-западной стене находился замурованный вход в культовое помещение 2. Остается открытым вопрос: откуда попадали в тамбур?

Помещение было заполнено кирпичной кладкой, в 2017 г. оно осталось неисследованным.

В прирезке в северной части цитадели изучено еще одно помещение 12 (см. рис. 4), расположенное с северо-восточной стороны от помещения 3. Размеры этого помещения — 7 × 7,8 м. Длинной стороной, так же, как помещение 3, оно вытянуто по линии юго-восток — северо-запад.

Рис. 4. Цитадель городища Луговое. Помещение 12 с алтарем огня

Заполнение помещения целиком состояло из кирпичной кладки, т. е. оно было полностью заложено сырцовыми кирпичами от пола до уровня сохранившихся стен, очевидно, при подготовке строительной площадки для дворца 2-го строительного горизонта. Высота стен от уровня суфы составляет 2,7–3,5 м, толщина 1,7–2 м. Стены оштукатурены глиной желтого цвета с примесью половецкой. Проход в помещение находился в южном углу юго-восточной стены. Над проходом обнаружена перемычка дверного проема из истлевшего деревянного бруса. Ширина прохода 1 м, высота — 1,6 м. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен устроены суфы. Суфа вдоль юго-западной стены имеет ширину 1,35 м, высоту — 0,33 м; северо-восточная суфа — ширину 1,47 м, высоту 0,5 м; северо-западная суфа — ширину 1,55 м, высоту 0,42 м.

Суфы прорезают две ямы, расположенные у северного и южного углов, диаметром 1,05 и 1,1 м. Яма-бадраб у южного угла имеет глубину 6 м. Верхняя часть заполнения состояла из грунта с битыми сырцовыми кирпичами. В заполнении бадраба на глубине двух метров обнаружен скелет человека в вертикальном положении с протянутой вверх правой рукой. Вероятно, человек утонул в бадрабе после того, как строение было покинуто. Яма в северной части помещения также использовалась в качестве бадраба. Она полностью не расчищена. Находки, найденные в обеих ямах, относятся к караханидскому периоду.

Посреди помещения устроен двухступенчатый алтарь. Нижняя ступень высотой 0,3 м имеет полусферическую форму, размер 2,6 × 2,9 м. В центре нее расположена вторая ступень закругленной формы размером 1,7 × 1,8 м, высотой 5 см, поверхность ее сильно прокалена.

На поверхности алтаря обнаружены глиняные курильницы. Первая имеет высоту 18,5 см (рис. 5). Верхняя часть с резервуаром отсутствует. Резервуар был установлен на четырехгранный столб с основанием круглой формы диаметром 11 см, высотой 2,5 см. Столб выполнен небрежно, его не прямые и разновеликие грани украшены двумя рядами вертикально прочерченных зигзагов, разделенных прямой линией. На углах зигзагов сделаны налепы в виде пуговиц с вмятиной по центру. Круглое основание имеет по краю зазубрины. На сохранившейся части резервуара имеются следы копоти.

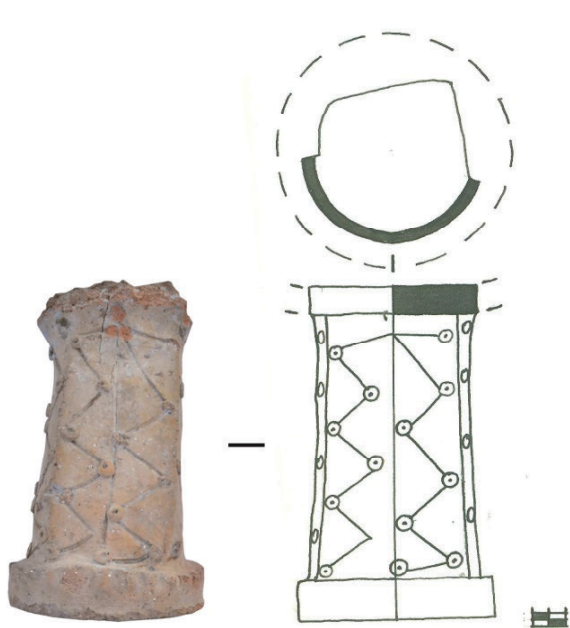

Рис. 5. Цитадель городища Луговое.
Керамическая курильница из помещения 12

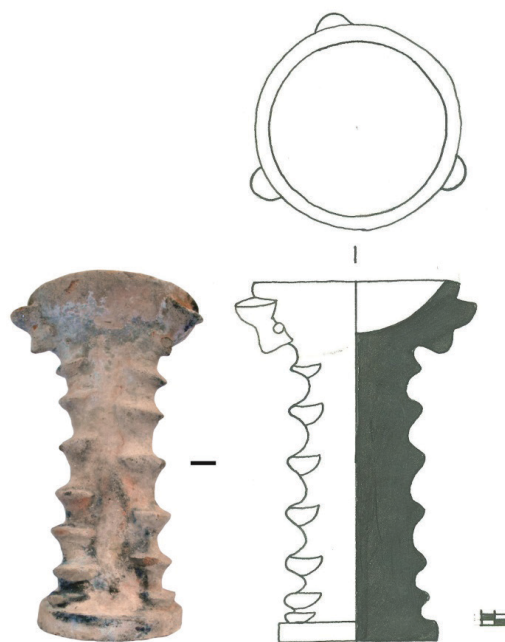

Рис. 6. Цитадель городища Луговое.
Керамическая курильница из помещения 12

Вторая курильница (рис. 6) выполнена в виде чашеобразного резервуара диаметром 13 см, расположенного на столбе-подставке цилиндрической формы высотой 25 см, диаметром в разрезе около 7 см. Столб опирается на основание диаметром 10,7 см. С трех сторон на столб наклеплены полукруглые выступы, расположенные один под другим — по шесть на двух и семь на третьей стороне. Над выступами под резервуаром имеется налеп в виде головы животного с заостренной мордой и ушами.

Сохранившиеся на значительной высоте стены позволяют восстановить строительные приемы, применявшиеся при перекрытии помещения. На высоте 2,5 м от пола сохранились пазы от балок и жердей. На каждой из стен были по три балки, между балками располагались по шесть жердей. И балки, и жерди направлены под углом 45° к центру помещения. Таким образом, можно говорить, что помещение имело шатровое перекрытие. Стены помещения до уровня пазов были оштукатурены глиной толщиной 2–3 см. Штукатурка нижней части стены до 0,2–0,4 м повреждена влагой, верхняя часть по большей части сохранилась, но имеются осыпавшиеся участки значительных размеров, а также повреждения, нанесенные грызунами и термитами.

После завершения раскопочных работ вскрытые конструкции были законсервированы до следующего полевого сезона.

Религиозные предпочтения правителей по результатам исследований дворца. В карлукский период существования цитадели городища Луговое в культовый комплекс дворца входили три помещения, связанные функционально: центральный зал приемов (помещение 3), где в оформлении стен отмечены изменения — поверх росписей были нанесены граффити; помещение 12 с алтарем огня, располагавшееся с северо-восточной стороны зала; предположительно купольное помещение, вписанное в более раннее помещение 5 и занимавшее 2/3 его площади. В караханидский период эти помещения были полностью заложены сырцовыми кирпичами — от пола до уровня сохранившихся стен — при подготовке строительной площадки для дворца 2-го строительного горизонта.

Помещение 12 (7 × 7,8 м) предположительно выполняло функцию храма огня, называемого адурян, оно было пристроено с северо-восточной стороны к помещению 3, функционировавшему ранее — в тюркешский период существования дворца, вероятно, в связи со сменой религиозного мировоззрения правителей. К этому времени предполагаемое манихейское святилище (помещение 2), находившееся с противоположной — юго-западной стороны приемного зала и украшенное резной глиной, перестало функционировать.

В помещении 12 было деревянное шатровое перекрытие, о чем свидетельствуют пазы для балок и жердей. В южном углу юго-восточной стены был сделан проход. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен расположены суфы. Посреди помещения находился двухступенчатый алтарь нишевидной формы со следами горения. Высота стен от уровня суфы 2,7–3,5 м, толщина 1,7–2 м. Стены оштукатурены до основания перекрытия. При расчистке помещения на алтаре были обнаружены две глиняные курильницы.

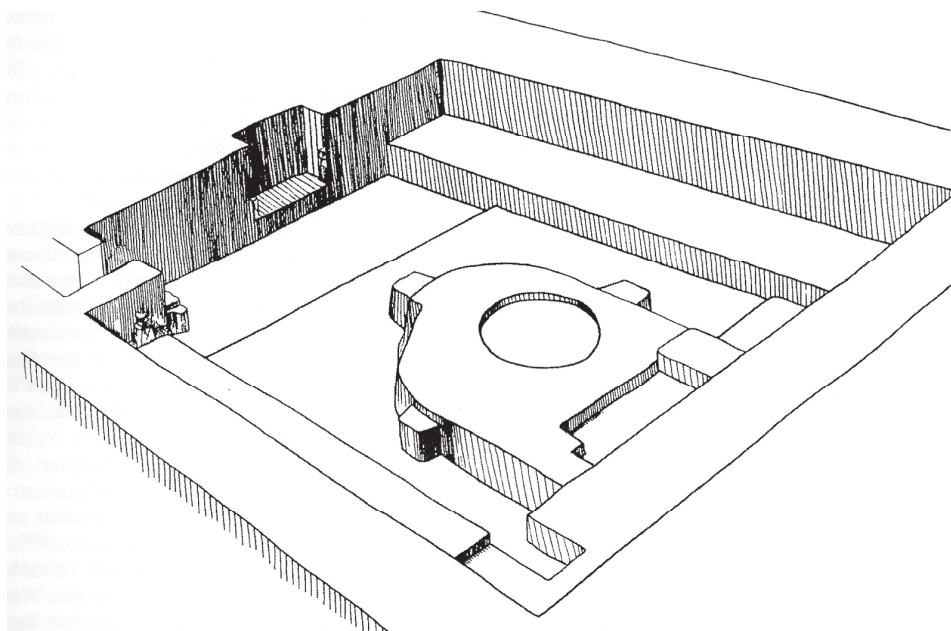

Рис. 7. Дворцовый комплекс городища Костобе. Помещение 6 с алтарем огня. VIII–IX вв.

Ближайшая аналогия культовому помещению 12 — помещение 6 (7,8 × 5,7 м) в дворцовом комплексе VIII–IX вв., исследованном на городище Костобе (рис. 7). По своему значению помещение 6 соответствует адуриану — месту хранения священного огня. Выше отмечалось некоторое сходство резного глиняного декора, украшавшего это помещение, с декором предполагаемого манихейского святилища (помещение 2) во дворце Лугового. Можно предположить, что при оформлении близких по времени культовых помещений, связанных с обрядовой практикой манихейства и маздеизма, мастера использовали общие изобразительные средства и приемы резьбы.

В шатровых сводах помещений с алтарями огня не было световых люков, а дым предположительно выходил сквозь неплотности деревянных конструкций. Ю. Ф. Буряков и М. И. Филанович, рассматривая храмовые комплексы Чача, отметили, что наличие суф вдоль стен «адуриана» указывает на возможность проведения в этих помещениях церемоний в «узком кругу». О том, что здесь могли происходить таинства и возлияния, свидетельствуют находки кувшинов, эйнохой и курильниц [Буряков, Филанович, 1999].

Ближние аналогии планировке культовых помещений с алтарями огня во дворцах, исследованных на Луговом и Костобе, имеются среди памятников Чача. Городище Костобе отождествляется со средневековым городом Джамукат, монеты, обнаруженные при его раскопках, свидетельствуют о связях с городами Чача в VII–VIII вв. [Байпаков, 1989; Бурнашева, Юсупова, 1991: 60–62].

На основании раскопанных в Чаче сооружений была восстановлена устойчивая система планировки помещений, функционально связанных с культовым вождением огня [Филанович, 1987; Буряков, Филанович, 1999: 91–92]. Важное место было отведено большому залу с суфами и окрашенными (расписанными) стенами. Ядром культового комплекса, как правило, являлось помещение меньшего размера с полуовальным подиумом-алтарем, на котором постоянно горел огонь, суфами вдоль стен, тамбурной стенкой и приподнятым полом. Алтарная комната известна в двух вариантах. Первый вариант — это помещение с сюжетной росписью стен, перекрытое плоской кровлей с опорой на четыре столба (дворцовое святилище на городище Мингурюк), второй — комната с двойным перекрытием, в котором нижнее является шатровым (на цитадели городища Канка, в замке Актепе Юнусабадский). В комплекс входили также подсобное помещение и объединяющий коридор.

В средней части цитадели городища Канка находилось культовое помещение размером 5,0 × 5,1 м. Вдоль четырех стен была протянута суфа, в центре располагался полуовальный подиум-алтарь, на котором когда-то горел огонь, у входа — тамбур. Благодаря сохранившимся на стенах ячейкам от балок была восстановлена двойная кровля. Нижний ярус в реконструкции Л. В. Гуревича представлен в виде деревянного шатрового перекрытия, усеченного плоскостью балок [Гуревич, 1990: 74], которые, по уточнению исследователей, относятся не к полу второго этажа, как считал Л. В. Гуревич, а к конструкции основной верхней кровли [Буряков, Филанович, 1999: 89].

Раскопками в Чаче был выявлен культовый комплекс замка-кешка Актепе Юнусабадский в Ташкенте (VII–VIII вв.). Зал с суфами и стенами, окрашенными в красный цвет, имел плоское перекрытие, опиравшееся на две деревянные колонны. В центре ква-

дратного помещения 5,0 × 5,1 м с трехсторонней суфой и тамбурным входом находился полуовальный подиум-алтарь [Буряков, Филанович, 1999: 91]. Низко расположенные (1,2–1,3 м над суфами) гнезда от брусьев перекрытия послужили поводом для предположения, что в этом помещении, так же, как на цитадели городища Канка, было усеченное шатровое перекрытие [Гуревич, 1990: 74]. Комплекс включал также маленькую подсобную комнату и узкий коридор, объединяющий три помещения в единую систему.

Культовые помещения Чача, свойственные дворцу, цитадели и замку, по мнению исследователей, находят аналогии в Западном и Восточном (горном) Согде [Буряков, Филанович, 1999: 91].

Наличие усеченного шатрового перекрытия предполагается в квадратном помещении 14 (4,85 × 4,85 м) замка Балалыктепе в Северном Тохаристане [Гуревич, 1990: 73–74]. При перестройке в ранее существовавший квадратный двор были вписаны большой прямоугольный зал, коленообразный коридор, в конце которого — помещение 14 с тамбуром при входе, суфами у четырех стен и центральным подиумом. На высоту 1,2–1,3 м над суфами стены были покрыты изображением сцены пиршества [Альбаум, 1960: 126–161]. Первоначальная датировка памятника пятым веком была пересмотрена, настенная роспись отнесена к VI–VII вв. [Зеймаль, Ртвеладзе, 1999: 142]. Над верхним краем росписи по всему периметру сохранились следы от опоры деревянного перекрытия. Закопченность стен выше перекрытия указывает на то, что в этом помещении длительное время горел огонь. Композиционным аналогом культового комплекса замка Балалыктепе является комплекс помещений в тохаристанском городском аристократическом доме VI–VIII вв. на городище Калаи-Кафирниган [Гуревич, 1990: 74].

Л. В. Гуревич заметил, что при открытии помещений с алтарем на Балалыктепе и Актепе в Ташкенте исследователи были поставлены в тупик низким расположением следов опоры балок — 1,2–1,3 м выше суфы, 1,6–1,76 м над уровнем пола. Шатровое перекрытие, круто повышаясь к центру, оставляет у суф, расположенных вдоль стен, большой запас высоты над головой стоящего человека. В реконструкции получается темное помещение с низким шатровым усеченным перекрытием, где постоянно горел огонь на центральном алтаре [Гуревич, 1990: 76].

Следы заделки балок, расположенных на расстоянии 50–55 см друг от друга на высоте 2,6 м, были обнаружены в «Красном зале» (12 × 7,85 м) дворца на городище Варахша VII–VIII вв. В. А. Шишкин считал, что брусья являлись консолями подмостей для штукатуров и живописцев, предполагая, что в зале было перекрытие «рузан» [Шишкин, 1963: 54–58]. Но, с точки зрения Л. В. Гуревича, расчет перекрытия «рузан» в зале таких размеров без промежуточных опор невозможен. Приемлемым, по его мнению, является одно из достоверно известных типов перекрытия — шатровое, а «Красный зал» следует рассматривать как вариант квадратного помещения с алтарем [Гуревич, 1990: 75]. Пространство вдоль стен зала занято кирпичными суфами. Почти половина помещения была отведена под оштукатуренный глиной подиум, на котором находилось деревянное сооружение на столбах. Постамент предназначался «для ритуальных предметов и, возможно, действий» [Распопова, Шишкина, 1999: 59–60]. Напротив был расположен полуовальный подиум-алтарь с остатками золы. «Красный зал» входил в комплекс залов, соединенных коленчатым коридором [Шишкин, 1963].

После анализа планировки дворцового комплекса Костобе и композиционно-родственных типов сооружений сделано предположение, что в помещении б с алтарем огня нишеобразной формы было высокое деревянное шатровое перекрытие без светового люка [Байпаков, Терновая, 2002; 2004; Вайраков, Терновaja, 2005; Терновая, 2014]. Исходя из сохранности стен и предполагаемой реконструкции алтарной ниши, опоры от балок, так же, как в «Красном зале» Варахши, могли располагаться на высоте 2,5–2,6 м.

Сопоставляя квадратные культовые помещения Балалыктепе, Актепе и Канки, близкие по размерам и деталям оформления, Л. В. Гуревич заметил, что низкое у основания шатровое перекрытие выглядит инородным включением в монументальных постройках. Он предположил, что причина появления подобного перекрытия не конструктивная, а символическая, а квадратные шатровые помещения в замках и городских домах имитировали жилище далеких предков [Гуревич, 1990: 74].

Форма шатровых перекрытий воспроизведена на многих оссуариях. Это, по мнению Л. В. Гуревича, соответствует представлениям о «вместилище останков как жилища или как святилища с алтарем» [Гуревич, 1990: 74]. Изображения жрецов у алтарей огня на стенках оссуариев из Муллакурмана [Павчинская, 1983: рис. 1] и Красной Речки [Байпаков, Горячева, 1999: табл. 107, 1–3] подтверждают это предположение. Зубцы-мерлоны на оссуариях, вероятно, изображают внешнюю стену. Крышка оссуария из Муллакурмана выполнена в виде высокого шатрового перекрытия. На ней изображены две женские фигуры с растениями в руках. Крышка-шатер на оссуарии из Биянаймана также украшена растительным орнаментом [Ремпель, 1961: рис. 33,1].

Для того, чтобы проследить помещения, служившие домашними святилищами, модельными в историческом развитии, Л. В. Гуревич выстроил схему «структурно-генетических связей пенджикентских капелл и композиционно-родственных им типов сооружений». Оформление этих помещений включало подиум перед сводчатой нишей, входной тамбур, суфы у стен, приподнятый пол. Согласно разработанной схеме, планировка и оформление культового помещения б во дворце городища Костобе объединяет признаки трех типов: 9 — квадратные помещения с полуовальными подиумами-алтарями и шатровыми перекрытиями (Канка, Балалыктепе, Актепе в Ташкенте); 10 — «Красный зал» на цитадели Варахша, в котором также предполагается перекрытие в виде шатра; 11 — квадратное помещение с тамбуром, суфами возле стен и культовой нишей (раннесредневековая усадьба Баба-тепе). Промежуточным памятником в типологической схеме Л. В. Гуревича является изолированный комплекс из трех помещений в жилой застройке кушанского городища Зар-тепе. В комплекс входило близкое к квадратному помещение (6 × 5,7 м) с трехсторонней суфой по периметру и центральной платформой, выложенной обожженным кирпичом [Гуревич, 1990: 70, рис. 26].

Рассматривая тамбурные входы в культовых помещениях, открытых археологами в дворцовых комплексах Гардани Хисор, Кум, Наврузшах-2, Ю. Якубов предположил, что тамбурные стенки построены «для затемнения зала на время установки священного огня или для оберегания огня от дурных глаз» [Якубов, 1996]. Л. В. Гуревич также отметил, что за тамбуром остается функция зрительной изоляции. В разных «капеллах» направления проемов из тамбуров в «капеллы» различны, что предполагает различный обзор помещения. Л. В. Гуревич счел возможным, что внутренний проем за-

вешивался. Подобная завеса, по его мнению, изображена на росписи Балалыктепе [Гуревич, 1990: 70].

Ближайший прототип помещениям с тамбурными стенками и жертвенниками в центре помещения имеется среди памятников Сырдарьи. Это помещения жилых домов Джеты-Асар 12, функционировавших в первых веках нашей эры до III–IV вв. н. э. Жилая секция включала близкое к квадратному помещению утилитарного и культового назначения с трехсторонней суфой, тамбурной выгородкой и очагом [Левина, 1998, рис. 5; Гуревич, 1990: 73]. Подобную планировку можно проследить в Южном Казахстане, в долине Сырдарьи, на городищах Кок-Мардан и Куюк-Мардан III–VII вв. [Байпаков, Подушкин, 1989: 52, 54, 56, рис. 21, 23, 24, 39, 40].

Вероятно, деревянное шатровое перекрытие было в западном помещении 2 (2,4 × 2,5 × 4 м) крестовидной постройки Актобе-1 [Терновая, 2008], расположенной на левом берегу Сырдарьи. В этом помещении южная и северная стены сохранились до пяты свода, т. е. до 2 м, на этом уровне в стенах находились гнезда от балок размером 15 × 18 см [Мерциев, 1968]. Датировка здания была уточнена и отнесена к периоду Каунчи-3 — IV — первой половине VI в. [Терновая, 2008]. По мнению Р. Х. Сулейманова, декоративный деревянный купол того типа, что обнаружен под потолком святилища на цитадели Канки, генетически восходит к шалашевидным конструкциям над алтарями огня каунчинской культуры. «Суть динамики культового зодчества и связанных с ним обрядов можно истолковать так: носители складывающейся сарматской культуры, оставались в то же время, как и поздние наследники андроновских культурных традиций, носителями реликтов культа индоарийского погребального огня» [Сулейманов, 2000: 258].

С точки зрения В. С. Ольховского, появление различных шатровидных сооружений под насыпями курганов связано с древней индоевропейской традицией (погребальными кострами). Наличие подобных конструкций на той или иной территории маркирует пребывание там населения индоиранского по языку или по идеологическим представлениям [Ольховский, 1995: 93].

Деревянные конструкции под насыпями курганов были характерны для ряда регионов скифо-сибирского мира и представляли собой низкое шатровое перекрытие высотой около двух метров над центральной могилой в кургане, которое поджигали с нескольких сторон. Затем над частично сгоревшими конструкциями возводили земляную насыпь. В ряде регионов есть несколько курганов такого типа, где не зафиксировано следов огня. Близкие шатровые сооружения обнаружены под насыпями элитных курганов на территории евразийских степей начиная от Северного Причерноморья и заканчивая степями Северного Казахстана, лесостепной частью Западной Сибири, на Алтае. Большинство курганов датируется VI–V, реже V–IV вв. до н. э. Для памятников саргатской культуры хронологические рамки расширены до V–III или III–I вв. до н. э. Самые ранние шатровые сооружения под насыпями курганов, но несколько иной конструкции, известны на памятниках предскифского и раннескифского времени в лесостепном Поднепровье и на Северном Кавказе. Курганы такого типа рассматриваются как органичное явление погребального обряда культур скифского времени севера евразийских степей, на территории распространения которых они были обнаружены (саргатская, гороховская, савроматская, раннепрохоровская и т. д.) [Фролов, Шамшин, 1999].

В дельте Сырдарьи выделяются могильники Тагискен, Уйгарак и так называемые шлаковые курганы, на которых в разной форме проявляется кремация погребенных вместе с каркасными погребальными сооружениями [Вишневецкая, Итина, 1971: 197–199].

Перекрытие в виде шатра являлось не только результатом символики, оно выполняло функцию концентрации космической энергии. Этот принцип с древности применяется в магической практике. В культовых помещениях («адурианах») центр шатра был приближен или совмещен с местом горения огня на центральных подиумах-алтарях. Шатровая или пирамидальная форма использовалась в храмовых и погребальных постройках.

Аналогии архитектурного оформления усеченного шатра Л. В. Гуревич нашел в нескольких гротах Баамиама и пещерных храмах Восточного Туркестана, причем во всех случаях вершина оформлена в виде перекрытия «рузан» [Гуревич, 1990: 77]. Б. А. Литвинский отметил, что в одной пещере Восточного Туркестана в Туяк-мазаре («Пещере аскетов») прямоугольная камера 3,76 × 5,10 м имеет пирамидально-усеченное (шатровое) перекрытие. В усеченной части на квадратном барабане высотой 0,4 м был расположен центральный квадратный, плоский плафон [Литвинский, 2000: 22].

В Монголии наряду с войлочными юртами в кочевом быту на протяжении столетий существовали и другие формы жилья. Например, огромные палатки-шатры «асар», употребляемые для празднеств и торжественных церемоний.

Купольное помещение, относящееся к культовому комплексу карлукского периода на цитадели Лугового, было вписано в более раннее помещение 5 и соединялось проходом с залом 3. Возможно, оно было связано с почитанием предков, династическим культом правителей. Подобное перекрытие встречается в сырцовых склепах. Формы перекрытий в виде шатра и купола в помещениях, относящихся к одному культовому комплексу, безусловно, соотносятся с их назначением.

В постройках разных религий: зороастризма, буддизма, христианства, ислама сохранились похожие представления о смысловом значении купола, идущие с глубокой древности. А. Говинда, сравнивая купольную форму ранних буддийских ступ и вытянутые вверх ступы махаяны, пришел к выводу, что полусфера выступает как темные, материнские силы земли, трансформирующие силы смерти и нового рождения; конус, пирамидальные формы с вертикальным направлением, сопоставимые с Древом, выступают как силы Солнца. Полусферу автор связывает с культами Луны, матери-земли, мертвых; конус — с культами Солнца, неба-отца, жизни. Несмотря на то, что семантику буддийской ступы следует раскрывать, опираясь на доктринальные буддийские тексты, многие исследователи считают, что ступа — буддийское мемориальное сооружение, покрытое куполом, было связано с курганным погребальным сооружением [Хижняк, 1999: 57–65].

Культовый комплекс карлукского периода во дворце Лугового, состоящий из помещений 3, 12 и купольного помещения, вписанного в помещение 5, предположительно относится к обрядовой практике маздеизма. Помещение 3 совмещало функцию культового зала и зала приемов. Эта особенность отмечена в раннесредневековых дворцовых комплексах Средней Азии и Казахстана.

В Южном Казахстане и Семиречье встречаются находки керамических курильниц, используемых в религиозной практике маздеизма. Они представлены экземплярами

зооморфных форм и более распространенной вазообразной формы [Байпаков, Ермакович, 1971: 48, рис. 13; Байпаков, Подушкин, 1989: 77, рис. 46]. В чаши курильниц с древесным углем помещали благовония. Курения играли важную роль при поклонении богам [Шефер, 1981: 211].

В Средней Азии сложился культовый комплекс, основанный на смешении старых языческих верований, древнеиранских религиозных традиций и зороастрийского учения. Религиозное мировоззрение маздеистского круга на территории республик Средней Азии и Казахстана прослеживается по результатам археологических исследований доисламского времени и раннего периода распространения ислама. Добытые материалы подтверждают сведения средневековых мусульманских историков.

События арабского завоевания (VII–VIII вв.) оказали сильное влияние на социальный и культурный уклад жизни Средней Азии. С приходом ислама городская культура Южного Казахстана и Жетысу-Семиречья — областей, объединенных со Средней Азией экономическими, политическими и культурными связями, претерпела значительные изменения [Кляшторный, Султанов, 1992: 94–98]. О том, что в средневековой городской среде были представители религиозного мировоззрения, определяемого как зороастризм, маздеизм, авестизм, свидетельствуют исследованные археологами памятники: некрополи, постройки культового назначения, оформление интерьеров, произведения искусства, атрибуты, употребляемые при проведении обрядов.

На памятниках городской культуры Юго-Западного Жетысу-Семиречья VIII–IX вв. можно отметить значительное влияние, оказанное согдийскими переселенцами. В период арабского завоевания и массовой эмиграции согдийцев в районы Семиречья, Ферганы и Чача в слоях VIII в. прослеживаются внесенные переселенцами изменения. В городах Согда соответственно отмечены следы запустения, охватывающие по два-три десятилетия VIII в. В Пенджикенте это связано со временем массовых восстаний согдийцев против арабов в 720–730-х гг. [Маршак, Распопова, 1996: 126–127]. В то время, как в районах Средней Азии шло приобщение к исламу, сопровождавшееся подавлением и преследованием иноверцев, в Семиречье отмечено проявление религиозных представлений маздеизма. Эти тенденции прослеживаются в той или иной форме вплоть до XII в. Памятники Юго-Западного Семиречья VIII–IX вв., относящиеся к культу маздеистского круга, представлены оссуариями и сосудами с антропоморфными признаками, в которых воплощены образы авестийских божеств. На средней Сырдарье боги Авесты представлены на резном дереве с городища Куйрыктобе и запечатлены в терракотовых фигурках [Терновая, 1993; 1997; 1998; 2014; Байпаков, Терновая, 2005; 2017; 2017а; 2018а].

Результаты многолетних археологических исследований на городище Луговое, с которым отождествляют средневековый город Кулан, дают возможность познакомиться с бытом и духовной жизнью горожан в VII–VIII, IX–X вв. Удалось выяснить, что в разные периоды существования дворца правители отдавали предпочтения разным религиозным направлениям. Полученные данные являются ценным источником для изучения истории, искусства, ремесла, дворцово-культовой архитектуры, религиозного мировоззрения и культурных взаимосвязей населения Жетысу-Семиречья в раннем Средневековье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. Я. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII вв. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии. Алматы, 2011. С. 29–66.

Альбаум Л. И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960. 228 с.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начала XIII в.). Алма-Ата, 1986. 256 с.

Байпаков К. М. К вопросу о локализации Джамуката // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 25–30.

Байпаков К. М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. 216 с.

Байпаков К. М. Городище Кулан // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы, 2001. С. 283–289.

Байпаков К. М., Горячева В. Д. Семиречье // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 151–162, 341–352.

Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971. 212 с.

Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Казахстана (I тыс. н. э.). Алма-Ата, 1989. 160 с.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Архитектурные особенности, декор и культовая принадлежность некоторых помещений дворцового комплекса средневекового города Джамукат // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общест. наук. Алматы. 2002. № 1 (236). С. 219–244.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Сведения о манихейском храме Каялыка // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002а. С. 33–39.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Резная глина Жетысу. Алматы, 2004. 164 с.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005. 236 с.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Предисловие // Зороастризм и культы маздеистского круга. Самарканд, 2017. Т. II. С. 4–7.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Казахстан // Зороастризм и культы маздеистского круга. Т. II. Самарканд, 2017а. С. 8–75.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. Барнаул, 2018. № 3 (16). С. 111–129.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Гл. 3: Религиозные представления и культы маздеистского круга в южных регионах Казахстана (VIII–XII вв.) // Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Терновая Г. А. История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы, 2018а. С. 106–167.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Гл. 4: Манихейство (VIII–XIII вв.) // Байпаков К. М., Ерофеева И. В., Казизов Е. С., Терновая Г. А. История религий в Казахстане. Древность и средневековье. Алматы, 2018б. С. 168–200.

Байпаков К. М., Терновая Г. А. Сравнительный анализ резного глиняного декора на памятниках Юго-Западного Семиречья VIII–X вв. // Центральная Азия на Великом

Шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2018 в. С. 321–341.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Соч. Т. IV. С. 21–94. М., 1966.

Бурнашева Р. З., Юсупова С. М. Торговые связи г. Джамуката (городище Костобе) по монетным данным // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути: тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Алма-Ата, 1991. С. 60–62.

Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Чач и Илак // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 78–92.

Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 177. М., 1971. С. 197–207.

Гуревич Л. В. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990. С. 67–89.

Зеймаль Т. И., Ртвеладзе Э. В. Северный Тохаристан // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 131–143.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. 338 с.

Зуев Ю. А. Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. Серия общественная. 2004. № 4. С. 26–28.

Кляшторный С. Г. Манихейские обители в стране Аргу // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2006. № 1 (252). С. 121–124.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. 375 с.

Кызласов И. Л. Таласские наскальные надписи // Российская археология. 2005. № 2. С. 46–55.

Кызласов И. Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 1. Бишкек, 2005а. С. 54–67.

Кызласов И. Л. Прочтение рунической надписи урочища Актерек // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Алматы, 2010. С. 345–346.

Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2006. № 2. С. 138–150.

Левина Л. М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 42–59.

Литвинский Б. А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М., 2000. С. 13–217.

Лурье П. Б. О следах манихеизма в Средней Азии // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. СПб., 2013. С. 219–251.

Лурье П. Б. Новые данные о следах манихейства в Семиречье // Центральная Азия на Великом Шелковом пути: диалог культур и конфессий от древности до современности : материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2018. С. 109–166.

Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийцы в Семиречье // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 124–135.

Мерцшиев М. С. Городище Актобе 1 (IV — начало XIII в.) // Максимова А. Г., Мерцшиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С. 120–173.

Ольховский В. С. Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир, 1995. С. 85–98.

Павчинская Л. В. Оосуарий из Муллакургона // ОНУ. 1983. № 3. С. 46–49.

Распопова В. И., Шишкина Г. В. Согд // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 50–77.

Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и история построения. Ташкент, 1961.

Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 51–67.

Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. VII в. н.э. Самарканд ; Ташкент, 2000. 342 с.

Таласская долина ТСАЭ 1936–1938 гг. Материалы и исследования по археологии Казахской ССР / под ред. А. Н. Бернштама. Алма-Ата, 1949. Т. I.

Терновая Г. А. Керамика Таласской долины // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 5 (191). Алматы, 1993. С. 137–144.

Терновая Г. А. Функциональное использование ритуальной керамики с зоо- и антропоморфными признаками // Известия МН — АН РК. Серия общественных наук. № 1 (209). Алматы, 1997. С. 60–69.

Терновая Г. А. Образы искусства как источник по мировоззрению городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI–XII вв. (по материалам археологии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 26 с.

Терновая Г. А. О культовом значении построек с крестовидной планировкой в районе среднего течения Сырдарьи I–VI вв. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 1 (254). Алматы, 2008. С. 218–238.

Терновая Г. Храмы, обряды и праздники Южного Казахстана и Семиречья (I–XII вв.). Saarbrücken (Germany), 2014. 164 с.

Терновая Г. А. Образный мир манихеев в Семиречье VIII–XIII вв. // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом шелковом пути: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2017. С. 273–297.

Филанович М. И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье) : материалы советско-французского коллоквиума (Самарканд, 1986). Ташкент, 1987. С. 148–157.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 42–50.

Хижняк О. С. Архаичные истоки символики буддийской ступы (историографический анализ) // Шестая буддологическая конференция. СПб., 1999. С. 57–61.

Шефер Э. Х. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981. 606 с. (Культура народов Востока, Материалы и исследования).

Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. 250 с.

Якубов Ю. Религия древнего Согда. Душанбе, 1996. 198 с.

Bajpakov K. M., Ternovaja G. A. Tönerne Architekturornamentik aus Žetysu // BAND 37–2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran. Berlin, 2005. S. 377–421.

Klyashtornyj S. G. Manichaeen Monasteries in the Land of Arghu // *Studia Manichaica*, IV /ed. R. E. Emmerick, W. Sundermann, P. Zieme. Intern. Kongr. zum Manichäismus. Berlin, 14–18. Juli 1997. Berlin, 2000. S. 374–379.

REFERENCES

Akylbek S. Sh., Smagulov E. A., Iatsenko S. Ia. *Dekorativnoe ubranstvo rezidentsii tiurkskikh pravitelei VIII vv. v tsitadeli g. Kulan* [Decorative decoration of the residence of the Turkic rulers of the VIII centuries in the citadel of Kulan]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii* [Cultural heritage of Eurasia]. Almaty, 2011. S. 29–66 (in Russian).

Al'baum L. I. *Balalyk-tepe. K istorii material'noi kul'tury i iskusstva Tokharistana* [Balalyk-Tepe. On the history of material culture and art of Tokharistan]. Tashkent, 1960. 228 s. (in Russian).

Bajpakov K. M. *Srednevekovaia gorodskaiia kul'tura Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia (VI — nachala XIII v.)* [Medieval urban culture of Southern Kazakhstan and Semirechye (VI — beginning XIII c.)]. Alma-Ata, 1986. 256 s. (in Russian).

Bajpakov K. M. *K voprosu o lokalizatsii Dzhamukata* [The question of localization of Dzamukat]. *Margulanovskie chteniia* [Margulans readings]. Alma-Ata, 1989. S. 25–30 (in Russian).

Bajpakov K. M. *Srednevekove goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti* [Medieval cities of Kazakhstan on the Silk road]. Almaty, 1998. 216 s. (in Russian).

Bajpakov K. M. *Gorodishche Kulan* [Settlement Kulan]. *Svod pamiatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazakhstan. Zhambylskaia oblast'* [Code of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Zhambyl region]. Almaty, 2001. S. 283–289 (in Russian).

Bajpakov K. M., Goriacheva V. D. *Semirech'e* [Semirechye]. *Arkheologiya. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e* [Archaeology. Central Asia in the early middle ages]. M., 1999. S. 151–162, 341–352 (in Russian).

Bajpakov K. M., Erzakovich L. B. *Drevnie goroda Kazakhstana* [Ancient cities of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1971. 212 s (in Russian).

Bajpakov K. M., Podushkin A. N. *Pamiatniki zemledel'chesko-skotovodcheskoi kul'tury Kazakhstana (I tys. n. e.)*. [Monuments of agricultural and pastoral culture of Kazakhstan (I thousand AD.)]. Alma-Ata, 1989. 160 s (in Russian).

Bajpakov K. M., Ternovaia G. A. *Arkhiturnye osobennosti, dekor i kul'tovaia prinadlezhnost' nekotorykh pomeshchenii dvortsovogo kompleksa srednevekovogo goroda Dzhamukat* [Architectural features, decor and religious affiliation of some rooms of the Palace complex of the medieval city Dzhamukat]. *Izvestiia MON RK, NAN RK. Ser. obshchest. Nauk* [Izvestiya MES, NAS RK. Series of social Sciences]. Almaty, 2002, № 1 (236). S. 219–244 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Svedeniia o manikheiskom khrame Kaialyka* [Information about Manichaean temple of Kayalyk]. *Kul'turnoe nasledie Iuzhnogo Kazakhstana* [Cultural heritage of South Kazakhstan]. Shymkent, 2002a. S. 33–39 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Reznaia glina Zhetysu* [Carved clay of Zhetysu]. Almaty, 2004. 164 s (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana (po materialam gorodishcha Kuiryktobe)* [Religions and cults of medieval Kazakhstan (based on settlement Kuyryktobe)]. Almaty, 2005. 236 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. Predislovie [Preface]. *Zoroastrizm i kul'ty mazdeistkogo kruga. T. II* [Zoroastrianism and cults mazdeisme circle. Vol. II.]. Samarkand, 2017. S. 4–7 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Kazakhstan* [Kazakhstan]. *Zoroastrizm i kul'ty mazdeistkogo kruga. T. II*. [Zoroastrianism and cults mazdeisme circle. Vol. II.]. Samarkand, 2017a. S. 8–75 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Manikheiskii kompleks vo dvortse srednevekovogo goroda Kulan (VIII v.)* [Manichaean complex in the Palace of the medieval city of Kulan (VIII c.)]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. Barnaul, 2018. № 3 (16). S. 111–129 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. Glava 3. *Religioznye predstavleniia i kul'ty mazdeizdskogo kruga v iuzhnykh regionakh Kazakhstana (VIII–XII vv.)* [Chapter 3. Religious ideas and cults mazdeisme circle in the Southern regions of Kazakhstan (VIII–XII centuries)]. *Istoriia religii v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e* [History of religions in Kazakhstan. Antiquity and middle ages]. Almaty, 2018a. S. 106–167 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. Glava 4. *Manikheistvo (VIII–XIII vv.)* [Chapter 4. Manichaeism (VIII–XIII centuries)]. *Istoriia religii v Kazakhstane. Drevnost' i srednevekov'e* [History of religions in Kazakhstan. Antiquity and middle ages]. Almaty, 2018b. S. 168–200 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaia G. A. *Sravnitel'nyi analiz reznogo glinianogo dekora na pamiatnikakh Iugo-Zapadnogo Semirech'ia VIII–X vv.* [Comparative analysis of carved clay decoration on the monuments of South-Western Semirechye VIII–X cc.]. *Tsentral'naia Aziia na Velikom Shelkovom puti: dialog kul'tur i konfessii ot drevnosti do sovremennosti. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia 13–15 iyunia 2018*. [Central Asia on the Silk road: the dialogue of cultures and religions from ancient times to the present. International scientific and practical conference 13–15 June 2018]. Almaty, 2018. S. 321–341 (in Russian).

Bartold V. V. *Otchet o poezdke v Sredniuiu Aziuu s nauchnoi tsel'iu 1893–1894 gg.* [Report on the trip to Central Asia for scientific purposes 1893–1894]. *Soch. T. IV*. [Works. Vol. IV] M., 1966. S. 21–94 (in Russian).

Burnasheva R. Z., Iusupova S. M. *Torgovyie sviazi g. Dzhamukata (gorodishche Kostobe) po monetnym dannym* [Trade relations of the city of Jamukat (settlement Kostobe) using monetary data]. *Vzaimodeistvie kochevykh i osedlykh kul'tur na Velikom shelkovom puti. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo seminara IuNESKO* [Interaction of nomadic and sedentary cultures on the Great Silk Road. Abstracts of the UNESCO international seminar]. Alma-Ata, 1991. S. 60–62 (in Russian).

Buriakov Iu. F., Filanovich M. I. *Chach i Ilak* [Chach and Ilak]. *Arkheologiya. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e* [Archaeology. Central Asia in the early middle ages]. M., 1999. S. 78–92 (in Russian).

Vishnevskaja O. A., Itina M. A. *Rannie saki Priaral'ia* [Early Saks of the Aral sea region]. *Problemy skifskoi arkheologii. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Problems of Scythian archeology. Materials and studies on archeology of the USSR]. № 177. M., 1971. S. 197–207 (in Russian).

Gurevich L. V. *K interpretatsii pendzhikentskikh kapell'* [On the interpretation of the Penjikent chapels]. *Kul'turnye svyazi narodov Srednei Azii i Kavkaza. Drevnost' i srednevekov'e*. [Cultural relations of the peoples of Central Asia and the Caucasus. Antiquity and the Middle Ages]. M., 1990. S. 67–89 (in Russian).

Zeimal' T. I., Rtveladze E. V. *Severnyi Tokharistan* [Northern Tokharistan]. *Arkheologiya. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e*. [Archaeology. Central Asia in the early middle Ages]. M., 1999. S. 131–143 (in Russian).

Zuev Iu. A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: essays on history and ideology]. Almaty, 2002. 338 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. *Manikheiskoe sviatilishche pod Tarazom* [Manichaeen sanctuary near Taraz]. *Izvestiia NAN RK. Seriya obshchestvennaia* [Izvestiya NAS RK. Series of social Sciences]. 2004. № 4. S. 26–28 (in Russian).

Kliashtornyi S. G. *Manikheiskie obiteli v strane Argu* [Manichaeen monasteries in Argu]. *Izvestiia NAN RK, ser. obshchestv. nauk* [Izvestiya NAS RK. Series of social Sciences]. 2006. № 1 (252). S. 121–124 (in Russian).

Kliashtornyi S. G., Sultanov T. I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysiacheletii* [Kazakhstan. Chronicle of three millennia]. Alma-Ata, 1992. 375 s. (in Russian).

Kyzlasov I. L. *Talasskie naskal'nye nadpisi* [Talas rock inscriptions]. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology]. 2005. № 2. S. 46–55 (in Russian).

Kyzlasov I. L. *Prochtenie naskal'nykh runicheskikh nadpisei Kyrgyzstana* [Reading of rock runic inscriptions of Kyrgyzstan]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and researches on archeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2005a. Vyp. 1. S. 54–67 (in Russian).

Kyzlasov I. L. *Prochtenie runicheskoi nadpisi urochishcha Akterek* [Reading the runic inscription of the tract Akterek]. *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana* [The role of nomads in shaping the cultural heritage of Kazakhstan]. Almaty, 2010. S. 345–346 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Simvol kresta u manikheev i sakral'noe prostranstvo goroda Suiaba na reke Chu* [Symbol of the cross at the Manichaeen and sacred space of the city Suyab on the river Chu]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istorii*. [Bulletin of Moscow University. Ser. 8. History]. 2006. № 2. S. 138–150 (in Russian).

Levina L. M. *K istorii issledovaniia Khorezmskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii v Vostochnom Priaral'e* [To the history of research of the Khorezm archeological and ethnographic expedition in the Eastern Aral Sea region]. *Priaral'e v drevnosti i srednevekov'e* [Priaralye in antiquity and the Middle Ages]. M., 1998. S. 42–59 (in Russian).

Litvinskii B. A. *Arkhitektura i stroitel'noe delo* [Architecture and construction]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e*. *Arkhitektura. Iskusstvo. Kostium* [East Turkestan in ancient and early middle ages. Architecture. Art. Suit]. M., 2000. S. 13–217 (in Russian).

Lur'e P. B. *O sledakh manikheizma v Srednei Azii* [On the traces of manicheism in Central Asia]. *Sogdiitsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki* [Sogdians, their predecessors, contemporaries and heirs]. SPb., 2013. S. 219–251 (in Russian).

Lur'e P. B. *Novye dannye o sledakh manikheizma v Semirech'e* [New data on the traces of Manichaeism in Semirechye]. *Tsentral'naia Aziia na Velikom Shelkovom puti: dialog kul'tur i konfessii ot drevnosti do sovremennosti. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia 13–15 iyunia 2018* [Central Asia on the Great Silk Road: a dialogue of cultures and faiths from antiquity to modernity. International Scientific and Practical Conference June 13–15, 2018]. Almaty, 2018. S. 109–166 (in Russian).

Marshak B. I., Raspopova V. I. *Sogdiitsy v Semirech'e* [The Sogdians in the Zhetysu]. *Drevnii i srednevekovyi Kyrgyzstan* [Ancient and medieval Kyrgyzstan]. Bishkek, 1996. S. 124–135 (in Russian).

Mershchiev M. S. *Gorodishche Aktobe 1 (IV — nachalo XIII v.)* [The settlement Aktobe 1 (VI — early XIII century)]. *Drevnosti Chardary* [Chardara antiquities.]. Alma-Ata, 1968. S. 120–173 (in Russian).

Ol'khovskii V. S. *Pervyi Razmennyi kurgan u stanitsy Kostromskoi* [The first Razmennyi barrows in the village of Kostroma]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and archaeological almanac]. Armavir, 1995. S. 85–98 (in Russian).

Pavchinskaya L. V. *Ossuarii iz Mullakurgana* [Ossuary from Mullakurgan]. *ONU* [Social Sciences of Uzbekistan]. 1983, № 3. S. 46–49 (in Russian).

Raspopova V. I., Shishkina G. V. *Sogd* [Sogd]. *Arkheologiya. Sredniaia Aziia v rannem srednevekov'e* [Archaeology. Central Asia in the early middle ages]. M., 1999. S. 50–77 (in Russian).

Rempel' L. I. *Arkhitekturnyi ornament Uzbekistana. Istoriia razvitiia i istoriia postroeniia* [Architectural ornament of Uzbekistan. The history of the development and history of the building]. Tashkent, 1961 (in Russian).

Senigova T. N. *Voprosy ideologii kul'tov Semirech'ia (VI–VIII vv.)* [Questions of the ideology of cults of the Semirechye (VI–VIII cc.)]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [New in archeology of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1968. S. 51–67 (in Russian).

Suleimanov R. Kh. *Drevnii Nakhshab. Problemy tsivilizatsii Uzbekistana VII v. do n. e. VII v. n. e.* [Ancient Nakhshab. Problems of civilization of Uzbekistan VII century BC–VII century BC]. Samarkand — Tashkent, 2000. 342 s. (in Russian).

Talasskaia dolina TSAE 1936–1938 gg. Materialy i issledovaniia po arkheologii Kazakhskoi SSR [Talas valley. WSAE 1936–1938. Materials and research on archeology Kazakh SSR]. Alma-Ata, 1949. T. I (in Russian).

Ternovaia G. A. *Keramika Talasskoi doliny* [Pottery from the Talas valley]. *Izvestiia NAN RK, ser. obshchest. nauk* [Izvestiya NAS RK. Series of social Sciences]. Almaty, 1993, 5 (191). S. 137–144 (in Russian).

Ternovaia G. A. *Funktsional'noe ispol'zovanie ritual'noi keramiki s zoo- i antropomorfnyimi priznakami* [Functional use of ritual ceramics with zoo — and anthropomorphic characteristics].

Izvestiia MN — AN RK. Ser. obshchest. nauk [Izvestiya MS — AS RK. Series of social Sciences]. Almaty, 1997, 1 (209). S. 60–69 (in Russian).

Ternovaia G. A. *Obrazy iskusstva kak istochnik po mirovozzreniiu gorodskogo naseleniia Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia VI–XII vv. (po materialam arkheologii): avtoreferat dis. kand. ist. nauk.* [Images of art as a source for the worldview of the urban population of Southern Kazakhstan and Semirechye VI–XII centuries (based on materials of archeology): dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Almaty, 1998. 26 s. (in Russian).

Ternovaia G. A. *O kul'tovom znachenii postroek s krestovidnoi planirovkoi v raione srednego techeniia Syrdar'i I–VI vv.* [On the cult significance of buildings with a cross-shaped layout in the middle reaches of the Syr-Darya I–VI centuries]. *Izvestiia NAN RK. Ser. obshch. nauk. Almaty* [Izvestiya NAS RK. Series of social Sciences]. 2008. № 1 (254). S. 218–238 (in Russian).

Ternovaia G. *Khramy, obriady i prazdniki Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia (I–XII vv.)* [Temples, ceremonies and holidays of Southern Kazakhstan and Semirechye (I–XII centuries)]. Saarbrücken, Germany, 2014. 164 s. (in Russian).

Ternovaia G. A. *Obraznyi mir manikheev v Semirech'e VIII–XIII vv.* [The imaginative world of the Manichaeans in Semirechye the VIII–XIII centuries]. *Religii Kazakhstana i Tsentral'noi Azii na Velikom shelkovom puti. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 12–13 iyunia 2017 g.* [Religion in Kazakhstan and Central Asia on the Silk road. Materials of the international scientific and practical conference 12–13 June 2017]. Almaty, 2017. S. 273–297 (in Russian).

Filanovich M. I. *K tipologii rannesrednevekovykh sviatilishch ognia Sogda i Chacha* [To the typology of the early medieval fire sanctuaries of Sogd and Chach]. *Gorodskaia kul'tura Baktrii-Tokharistana i Sogda (antichnost', rannee srednevekov'e). Materialy sovetsko-frantsuzskogo kollokviuma. Samarkand, 1986.* [Urban culture of Bactria-Tokharistan and Sogd (antiquity, early middle ages). Materials of the Soviet-French Colloquium. Samarkand, 1986]. Tashkent, 1987. S. 148–157 (in Russian).

Frolov Ia. V., Shamshin A. B. *Kurgannyi mogil'nik Mikhailovskii VI na iuge Kulundy i nekotorye voprosy, sviazannye s interpretatsiei kurganov skifskogo vremeni s shatrovymi dereviannymi konstruktsiiami pod nasyp'iu* [Kurgan burial site Mikhailovsky VI in the south of Kulunda and some issues related to the interpretation of Scythian mounds with tent-shaped wooden structures under the embankment]. *Skifskaya epokha Altaia Publikatsii Frolov, Shamshin, 1999* [Altai Scythian Age Publications Frolov, Shamshin 1999]. [Elektronnyi resurs] (in Russian).

Khizhniak O. S. *Arkhaichnye istoki simvoliki buddiiskoi stupy (istoriograficheskii analiz)* [Archaic origins of the symbolism of the Buddhist stupa (historiographical analysis)]. *Shestaia buddologicheskaya konferentsiia. Tezisy.* [Sixth Buddhist conference. Theses]. SPb., 1999. S. 57–61 (in Russian).

Shefer E. Kh. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan.* *Kul'tura narodov Vostoka* [Golden peaches of Samarkand. A book about foreign wonders in the Tang Empire. Culture of the East]. M., 1981. 606 s. (in Russian).

Shishkin V. A. *Varakhsha* [Varakhsha]. M., 1963. 250 s. (in Russian).

Iakubov Iu. *Religiia drevnego Sogda* [Religion of ancient Sogd]. Dushanbe, 1996. 198 s. (in Russian).

Bajpakov K. M., Ternovaja G. A. *Tönerne Architekturornamentik aus Žetysu* [Clay architectural ornamentation from Zhetysu]. *BAND 37–2005. Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* [BAND 37–2005. Archaeological messages from Iran and Turan]. Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung Außenstelle Teheran. Berlin, 2005. S. 377–421 (in German).

Klyashtornyj S. G. *Manichaeen Monasteries in the Land of Arghu*. [*Studia Manichaica, IV*]. Berlin, 14–18. Juli 1997. Berlin, 2000. S. 374–379.

Цитирование статьи:

Байпаков К. М., Акылбек С. Ш., Терновая Г. А. К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 9–35.

Citation:

Baipakov K. M., Akylbek S. S., Ternovaya G. A. To the question of religious life of Kulan medieval town in VIII–IX c. (based on materials of research of citadel in 2017). *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 2 (19). P. 9–35.
